

Заключение

Наш этюд был направлен на анализ всего лишь одного единственного документа – «странного» средневекового свитка из архива аббатства св. Петра в Генте¹. Судя по почерку, документ предположительно принадлежал перу кантора монастыря Лаврентия (годы его канторства ок. 1235 – ок. 1243) и был им написан в середине 30-х годов XIII века. Начиная с издателя свитка П. К. Бурена², и до настоящего времени принято считать, что свиток содержит в себе один из первых во Фландрии «инвентарей особой категории грамот, описывающих акты пожертвований в трибутарии» указанного аббатства³. Казалось бы, что же может быть странного в этой довольно обычной описи? Однако стоит лишь задаться вопросом о целях создания этого документа, как сразу же выясняется, что найти на этот простой вопрос ясный ответ, вполне вписывающийся в привычную нам рациональную логику, пока не удастся.

Замечено, что очередность описания грамот в свитке была «беспорядочной»⁴. Это помимо прочего означает, что грамоты не были подвергнуты предварительной систематизации перед их описанием. Данное обстоятельство позволило предположить, что очередность описания грамот в свитке могла соответствовать тому порядку, в каком эти грамоты лежали в самом архивном ларце, из которого составитель описи их достал. В связи с этим, с помощью несложного статистического приема был исследован порядок «заполнения пространства» свитка. В результате было установлено, что в конце описи доля записей о более поздних грамотах XII–XIII веков, в которых свободные женщины жертвуют себя на алтарь псв. Девы Марии в качестве ее трибутариев, резко возрастает. Этот рост особенно заметен по сравнению с падением к концу свитка числа учтенных в нем более ранних грамот X–XI веков, в которых на главный алтарь монастыря – алтарь св. Петра – в качестве его трибутариев жертвовались освобожденные сервы. Поскольку ока-

¹ RAG, StP, VL N 511bis. Platte stukken (circa 1235), rol., per., 1800 x 160 mm., lat.

² *Boeren P.C.* Étude sur les tributaires d'église dans le comté de Flandre du IXe au XIVe siècles. Amsterdam, 1936. Appendice. N 51. P. 144–156.

³ *Declercq G.* Le classement des chartiers ecclésiastiques en Flandre au Moyen Âge // La conservation des manuscrits et des archives au Moyen Âge. XIe Colloque du Comité international de paléographie latine. Bruxelles, Bibliothèque Royale Albert Ier, 19–21 octobre 1995 / Actes édités par Pascale Bourgain et Albert Derolez // Scriptorium. Bruxelles, 1996. T. L. N 2. P. 337.

⁴ Ibid.

залось, что в начале описи относительно чаще были описаны более ранние грамоты, а к ее концу чаще можно встретить описания более поздних грамот, автор описи, по всей видимости, перед описанием грамот извлек их все разом, перевернув ларец, где они хранились. В результате, более древние грамоты, лежавшие на его дне, оказались сверху, а потому и были описаны относительно чаще в начале свитка, чем более поздние грамоты. Выяснилось также, что преобладающая часть грамот с актами пожертвований на алтарь псв. Девы Марии, по все видимости, хранилась в архиве несколько поодаль от основной группы грамот об алтарных трибутариях, а потому и была описана в особом разделе в самом конце описи. Таким образом, очередность описания грамот в свитке не была целиком и полностью хаотичной и скорее всего отражала тот стихийно сложившийся «порядок» (точнее беспорядок), в котором они хранились, а проведенное изучение пространства описи позволило «заглянуть» внутрь того архивного ларца, в котором эти грамоты лежали.

В то же время, «беспорядочность» очередности описания грамот в свитке и отказ от их предварительной систематизации, а также почти полное отсутствие каких-либо признаков наличия шифров, делает свиток практически бесполезным для его использования в качестве архивной описи этих грамот. При этом следует учесть, что в свитке было описано более двухсот грамот, а его длина приближалась к двум метрам. Поэтому поиск нужной грамоты в архивохранилище с помощью свитка представляется маловероятным. Представление о практической бесполезности свитка как инвентаря грамот подтверждается еще и тем обстоятельством, что содержащаяся в нем опись не была полной и исчерпывающей. Как оказалось, значительная часть грамот, датированных ранее середины 30-х годов XIII века, которые должны были быть учтены в свитке, по неизвестной пока причине не была в нем описана вовсе. Зачем же он тогда все-таки был создан?

В поисках ответа на этот вопрос была предпринята попытка повторить тот путь, который прошел писец свитка при работе над его текстом. С этой целью тексты сохранившихся грамот, которые мог держать в руках автор документа, были сопоставлены с содержанием оставленных им в свитке записей об этих грамотах. Этот анализ был проведен с использованием всех сохранившихся манускриптов. Оказалось, что работа по составлению свитка мало вдохновляла его автора, осуществлялась им иногда небрежно, с грубыми ошибками. Удалось также выяснить, что в грамотах при их описании его интересовали главным образом одни лишь имена и другие данные, идентифицирующие описанных в этих грамотах

алтарных трибутариив. Это наблюдение дало возможность предположить, что свиток, возможно, представляет собой не столько инвентарь грамот, сколько опись поименованных в них алтарных трибутариив, вступивших в разное время под патронат монастыря, поскольку именно им было уделено в описи главное внимание. Складывается впечатление о полисемантической свитка, о его своеобразной амбивалентности, о причудливом и неразделимом соединении, симбиозе в нем как описи грамот, так и описи алтарных трибутариив. О неслучайном характере этого впечатления свидетельствует также и то наблюдение, что замеченная двойственность была присуща не только свитку, но и некоторым другим современным ему подобным описаниям грамот алтарных трибутариив в других монастырях средневековой Фландрии (в частности, в соседних с аббатством св. Петра аббатстве св. Бавона и аббатстве Бодело)⁵. Все это вновь возвращает нас к остающемуся пока без ответа вопросу о практических целях написания этой своеобразной описи.

Нельзя также исключить возможную многофункциональность свитка, а именно то, что он мог исполнять не только административную, но еще и мемориальную функцию. Ведь в нем были поименно перечислены дарители, пожертвовавшие («ради спасения своей души») на алтарь того или иного святого, либо самих себя, либо своих *mancipia*, и тем самым ставшие членами *familia* этого святого. Не исключено, что свиток с описанными в нем алтарными трибутариями вполне мог играть роль их поименного поминального списка. В этой связи представляется неслучайным, что имена алтарных трибутариив, поименованных в свитке, не были внесены монахами в некрологи аббатства⁶. При этом важно также помнить,

⁵ RAG, Sint-Baafsabdij te Gent, R 30: Goederenregister, perk., ms. lat. (eerste helft XIII eeuw), f.52r–53r: Lijst van hoofdcijnsplichtigen (rond 1212–1223) / 1ère éd. par *Serrure C. Ph.* Cartulaire de l'abbaye de Saint-Bavon de Gand. Gand, 1836. N 137. P. 107–108; / 2e éd. par *Van Lokeren A.* Histoire de l'abbaye de Saint-Bavon. Gand, 1855. P. 209–210; / 3 uitg. *Gysseling M. – Verhulst A.* Het oudste goederenregister van de Sint-Baafsabdij te Gent. Brugge, 1964. P. 96–98. RAG, fonds abdij Boudelo, nr. 552: Cijns- en renteboek der abdij Boudelo, ms. lat. du XIII s., f. 22r–22v (c.1250): *Iste sunt qui se reddiderunt in familiares ecclesie beate Marie de Bodelo* / Éd. par *Ruwet V.* De *familia* van Boudelo // Citeaux in de Nederlanden. Deel VIII (1957). Aflevering 4. P. 261–264, notes 8, 11–14, 18.

⁶ RAG, Sint-Baafs en Bisdom, R 20bis; RAG, StP, reeks II, nr. 98; RAG, Sint-Baafs en Bisdom, R 1031 – *Gysseling M.* Inventaris van het archief van Sint-Baafs en Bisdom Gent tot eind 1801. Deel I. Brussel, 1997. blz. 282–283, NN 2932–2934.

что наиболее вероятным автором свитка является не кто иной, как кантор монастыря, в обязанности которого как раз и входило, в том числе, и руководство литургией, во время которой и могли поименно поминаться упомянутые в свитке алтарные трибутарыи.

Тем не менее, у нас все же имеется больше оснований считать свиток не столько мемориальным, сколько административным документом. Предполагаемое авторство в его составлении кантора Лаврентия было вполне закономерным и по той причине, что административное управление алтарными трибутариями аббатства находилось в ведомстве именно кантора. Он вел их учет, осуществлял контроль за поступлением требуемых с них платежей, хранил и описывал относящийся к ним архив. С этой целью кантором Лаврентием в течение 1235–1238 годов было создано помимо свитка еще несколько административных документов, относящихся к регистрации и описанию алтарных трибутариев аббатства. Так им было осуществлено «обновление» в новой форме целого ряда грамот с описаниями алтарных трибутариев⁷, а также его же рукой был в основной своей части создан довольно большой (и еще более загадочный) кодекс, содержащий в себе регистр нескольких сот родословных, так называемых «тронков» (*troncus*), алтарных трибутариев аббатства с указанием места «приписки» их членов и условий уплаты следуемых с них платежей⁸. Очевидно, его же следует считать автором также и еще одного, к сожалению, несохранившегося свитка (*rotulus*), о содержании которого мы можем лишь догадываться благодаря ссылке на него, оставленной нам самим Лаврентием в одной из своих грамот, написанной им в ноябре 1235 года⁹. Столь активная делопроизводственная деятельность на своем посту кантора Лаврентия, касавшаяся организации им учета алтарных трибутариев аббатства, конечно же, имела под собой веские причины. Основным побудительным мотивом для написания им всех упомянутых документов вполне могло стать желание вновь назначенного на свою должность кантора навести

⁷ RAG, StP, VL N 519 (1161/1236 jan.); N 522 (1128/1235 nov.); N 524 (1236); N 528 (1236 sept.); N 530 (1237); N 455 (1239 jan.) etc.

⁸ RAG, Sint-Baafs en Bisdom, K 2556: Register van de hoofdcijnsplichtigen, [kort na 1238] (opgemaakt, voortgezet tot eind 13^e eeuw). 1 deel – *Carnier M.* Inventaris van het archief van de Sint-Pietersabdij te Gent «registers» (reeks I en de delen en banden) (944/996–1796). (s. l., s. d.). Blz. 50. N 185.

⁹ RAG, StP, VL N 522 (1128/1235, nov.): ...quedam femina nomine Verdelendis de Zeverghem, cum esset libera et liberis parentibus procreata, se cum omni posteritate sua ex se suisque futuris temporibus processura, ancillam tributariam constituit ad altare Beati Petri... Verdelendis genuit Alsuendem. Cetera vero nomina scripta sunt in Rotulo ecclesie Beati Petri Gandensis.

порядок во вверенном ему ведомстве и тем самым способствовать увеличению доходов монастыря за счет денежных поступлений от платежей с алтарных трибутариив.

Но вот вопрос о том, какая же конкретно роль в ряду этих документов отводилась им «странному» свитку, остается, к сожалению, открытым. Нам приходится пока лишь гадать о предназначении и природе этого свитка. Имеем ли мы перед собой не совсем обычный административный документ, амбивалентный по своему характеру и представляющий собой то ли инвентарь грамот определенного типа, хранившихся на тот момент в архиве кантора, то ли опись вступивших некогда под патронат аббатства поименованных в этих грамотах алтарных трибутариив, или перед нами текст, призванный выполнять еще какую-то принципиально иную, в том числе, возможно, и меморативную функцию, достоверно определить пока не удастся.

